Классика научной мысли

Моска Гаэтано (1858 — 1941) — итальянский юрист, теоретик и историк политики, социолог. Окончил Палермский университет, преподавал конституционное право в Римском и Туринском университетах. Активный публичный политик, верный принципам классического либерализма, выступал за отделение гражданской власти от церковной, политической — от экономической. Как один из основоположников политической социологии и политической науки изложил свои воззрения в трудах: «О теории правления и парламентском правлении» (1884), «Современные конституции» (1887), «Правящий класс» (1896), «История политических доктрин» (1937).

Известность Г.Моска принесла разработанная им теория «правящего» и «политического» классов, перекликавшаяся с «теорией элит» В.Парето и Р.Михельса. Неизменным атрибутом каждого общества и государства Моска считал наличие в них руководящих позиций меньшинства в виде «правящего» класса в противовес большинству — управляемому классу, не обладающему ни властными полномочиями, ни качествами и ресурсами для выполнения функций управления. Классифицируя политические режимы Моска различал аристократические и демократические, автократические и либеральные, закрытые и открытые формы правления в зависимости от стремления «правящего» и «политического» классов навязывать свою волю управляемому классу либо их способности к обновлению и демократизации посредством кооптации в свои ряды выходцев из низших слоёв общества.

Состояние всякого общества, общественный порядок в значительной степени зависит от сплочённости и подготовленности правящего класса, уровня его управленческой культуры, политической активности. Эта роль закрепляется в идеологии или в «политической формуле», предназначенной обосновать легитимность правящего класса. «Политическая формула» — это совокупность средств и методов, с помощью которых правящий класс, апеллируя к существующим нормам и ценностям, манипулируя сознани-

ем и политическим поведением людей, оформляет и закрепляет своё пребывание у власти.

В качестве политического идеала Моска выдвинул понятие «репрезентативное правительство» или «репрезентативная система», лидеры которых, составляющие правящее меньшинство, достойно выражают интересы и чаяния населения, обеспечивая консенсус в обществе. Сегодня в западном политической науке идеи Моска о «правящем» и «политическом» классах рассматриваются как базовые ценности. Ряд положений мыслителя используется при разработке концепции либеральной демократии и в дискуссиях о функциях различных ветвей власти, формах участия масс в политической жизни, роли культуры и средств массовой коммуникации в современном обществе.

© Жовтун Д. Т., 2012

Гаэтано Моска

Правящий класс[1]

1. Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организмах, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые даёт власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса, или политического класса, как уже предпочли ранее определить его. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир организованным иначе — мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни. Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением, которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

Первый факт — достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, — заключается в том, что в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находит-

---

[1] Печатается по: *Моска Гаэтано.* Правящий класс // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др. ; Ред.-науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. — М. : Мысль, 1997. — С.118 – 133.

ся, как мы говорим, у кормила власти. Это не всегда человек, обладающий законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королём или императором премьер-министр или мажордом обладают реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена, в других случаях вместо избранного президента правит влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролёров.

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворённостью, недовольством управляемых масс, их чувствами, оказывает определённое влияние на политику правящего, или политического, класса.

Но человек, стоящий во главе государства, определённо не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять; и, полагая, что он может заставить одного или действительно множество индивидов — представителей правящего класса осознавать авторитет его власти, этот человек определённо не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворённость масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно, как будет показано далее, должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена.

2. С точки зрения научного исследования реальное преимущество понятия “правящий, или политический, класс” заключается в том, что изменчивая структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации различных народов. Согласно принятой классификации форм правления, которая все ещё в моде, и Турция, и Россия ещё несколько лет назад были монархиями, Англия и Италия — конституционными, или ограниченными, монархиями, а Франция и Соединённые Штаты — республиками. Эта классификация основана на том, что в первых двух упомянутых странах верховенство в государстве носит наследственный характер и глава государства номинально всемогущ; во второй группе стран пребывание во главе государства носит наследственный характер, но власть и прерогативы ограниченны; в двух последних странах верховенство ограниченно.

Данная классификация весьма поверхностна. Хотя и Россия, и Турция были абсолютистскими государствами, тем не менее между политическими системами правления этих стран мало общего, весьма различны и уровни их цивилизованности и организация правящих классов. На этом же основании ре-

жим в монархической Италии ближе режиму в республиканской Франции, нежели режиму в Англии, тоже монархии; существуют также серьёзные различия между политической организацией Соединённых Штатов и Франции, хотя обе страны являются республиками.

Как уже говорилось, укоренившаяся традиция давно препятствовала и сейчас стоит на пути научного прогресса в решении данного вопроса. Упомянутая выше классификация, согласно которой формы правления делятся на абсолютные монархии, ограниченные монархии и республики, была разработана Монтескье и должна была заменить классификационные категории Аристотеля, который делил формы правления на монархии, аристократии и демократии. То, что Аристотель называл демократией, было просто-напросто аристократией для довольно большого числа членов общества. Сам Аристотель, находясь в положении наблюдателя, видел, что в каждом греческом государстве, аристократическом или демократическом, всегда был один или несколько человек, обладавших преимущественным влиянием. В исторический отрезок времени между Полибием и Монтескье многие авторы совершенствовали классификацию Аристотеля, введя в неё понятие “смешанная форма правления ” . Позднее современная демократическая теория, основоположником которой был Руссо, исходила из утверждения, что в любом государстве большинство граждан могут и действительно должны участвовать в политической жизни, а доктрина народного суверенитета все ещё властвует над умами многих людей, несмотря на то что современные общественные науки все больше и больше доказывают: принципы демократии, монархии и аристократии действуют одновременно во всяком политическом организме. Мы не перестанем опровергать здесь эту демократическую теорию, поскольку именно в этом и заключается основная задача данной работы. Кроме того, было бы нелегко на нескольких страницах разрушить целую систему идей, которая прочно укоренилась в сознании людей. Как точно выразился Лас Касас в своём жизнеописании Христофора Колумба, переучиваться часто труднее, чем учиться.

3. Тем не менее нам кажется более предпочтительным ответить по этому поводу на возражение, которое может быть выдвинуто против нашей точки зрения. Если легко осознать, что индивид не может руководить группой, не найдя в ней поддерживающего его меньшинства, то трудно доказывать как непреложный и очевидный факт, что меньшинство управляется большинством, а не наоборот. Но в этом и заключается один из пунктов, столь многочисленных во всех других науках, что первое впечатление о чем-либо противоположно тому, что есть на самом деле. В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного мень-

шинства. В то же время меньшинство организованно именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу не согласных друг с другом людей, которые общаются только один на один. Между тем для первых легче будет действовать согласованно и с взаимопониманием просто потому, что их сто, а не тысяча. Отсюда следует, что, чем больше политическое сообщество, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством и тем труднее будет для большинства организовать отпор меньшинству.

Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу — выпавшей на долю правящего меньшинства организованности — оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Иными словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

4. В примитивных обществах, находящихся ещё на ранней стадии развития, военная доблесть — это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий, или политический, класс. В высокоцивилизованных обществах война — исключительное явление. А в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ею можно по существу считать нормальным явлением, и индивиды, проявляющие большие способности в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами, а наиболее смелые становятся вождями. Это непреложный факт, однако формы, которые он может принимать в зависимости от набора условий, весьма многообразны. Превосходство военного сословия над мирным большинством обусловлено перемещением рас и народов, связано с захватом со стороны агрессивной группы относительно мирной части общества. Иногда это действительно так: в качестве примера можно привести Индию после ею захвата ариями. Римскую империю после вторжения в неё германцев и Мексику после захвата ацтеками. Однако гораздо чаще при определённых социальных условиях возвышение воинственного правящего класса наблюдается там, где нет никаких признаков иностранного вторжения. До тех пор пока [первобытная] орда живёт исключительно охотой, все индивиды без труда могут стать воинами. В ней, конечно, будут свои лидеры, руководящие племенем, но невозможно обнаружить класс военных, начинающих эксплуатировать и в то же время защищать другой класс, занимающийся мирным трудом. По мере того как племя переходит от занятия охотой к земледелию и пастушеству, наряду со значительным ростом населения и обретением большей устойчивости средств социального воздействия происходит более или менее чёткое деление на два класса, один из которых занимается преимущественно сельским хозяйством, а другой — военным делом. В та-

ком случае неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другим классом, чтобы иметь возможность довлеть над ним безнаказанно.

Польша даёт характерный пример постепенной метаморфозы военного класса в абсолютно доминирующий. Первоначально поляки имели ту же организацию сельских поселений, которая преобладала среди всех славянских народов. Не существовало различий между воинами и сельскими тружениками, т. е. между знатью и крестьянами. Но после того как поляки заселили широкие равнины, орошаемые водами Вислы и Немана, они начали заниматься земледелием. Однако сохранялась необходимость бороться с воинственными соседями, поэтому племенные вожди, или воеводы, собирали вокруг себя определённое число отборных людей, специальным занятием которых было владение оружием. Эти воины были распределены между различными сельскими общинами, освобождены от сельскохозяйственного труда, но вместе с тем получали свою долю продуктов земли наряду с другими членами общины. Вначале их положение было не слишком привлекательным, и иногда сельские жители предпочитали не отказываться от сельскохозяйственного труда, чтобы избежать участия в войне. Однако постепенно по мере укрепления этого порядка, когда один класс привык к военной деятельности и организации, а другой закалился, работая плугом и лопатой, воины стали знатью и владельцами, а крестьяне, некогда их сотоварищи и братья, — вилланами и крепостными. Шаг за шагом воины-владельцы повышали свои требования увеличить долю, которую они имели как члены общины, до размеров всей продукции общины за вычетом того, что жизненно необходимо для земледельцев; и когда последние пытались бороться с таким насилием, они были силой прикреплены к земле, и все это было характерным проявлением откровенного, явного крепостничества.

В ходе этой эволюции, примерно в 1333 г., король Казимир Великий тщетно пытался обуздать высокомерную наглость воинов. Когда крестьяне явились к нему с жалобами на знать, он ограничился тем, что спросил, нет ли у них палок и камней. Через несколько поколений, в 1537 г., знать заставила всех торговцев в городах продать принадлежащие им' имения, и отныне земельная собственность стала прерогативой одной лишь знати. В это же время знать усилила давление на короля, требуя начать переговоры с Римом и установить, что отныне в Польше только знатные люди могут вступать в святые ордена. Это практически полностью лишало горожан и крестьян права на почётные посты и какой бы то ни было социальной значимости.

Такой же процесс мы наблюдаем в России. Здесь воины, входящие в дружину, или охрану, древнерусских князей (ведущих свою родословную от Рюрика), также имели свою долю от доходов мира (сельских крестьянских общин) как средство существования. Постепенно эта доля увеличивалась. Пока земля была в избытке и работников не хватало, крестьяне часто сами заботились

о своей выгоде и переезжали с места на место. Поэтому в конце XVI в. царь Борис Годунов разрешил знати прикрепить крестьян к своим землям, закрепив тем самым крепостное право. Однако вооружённые силы в России никогда не формировались исключительно из знати. Мужики (крестьяне) шли воевать как простые солдаты при дружине. Ещё в XVI в. Иван Грозный создал стрелецкое войско, которое практически представляло собой постоянную армию, просуществовавшую вплоть .до того времени, когда Пётр Великий заменил его полками, организованными по западноевропейскому образцу. В этих полках члены старой дружины наряду с иностранцами стали офицерами, в то время как мужики составляли основной контингент рядовых.

У народов, только вступивших в земледельческую стадию развития и сравнительно цивилизованных, именно класс военных, вне всякого сомнения, является политическим, или Правящим, классом. Иногда владение оружием разрешалось только этому классу, так было в Индии и Польше. Представители класса управляемых при возможности записывались в армию, однако чаще всего как простые солдаты в самые непрестижные подразделения. Так, в Греции во время войны с мидянами [персами] граждане, принадлежащие к наиболее состоятельным и влиятельным классам, составляли отборные части (конницу и тяжеловооруженных пехотинцев), а менее обеспеченные сражались как патласты, Или метальщики из пращи, в то время как рабы, т. е. массы трудящихся, были полностью отстранены от военной службы. Аналогичную организацию мы обнаруживаем в республиканском Риме вплоть до Пунических войн и даже до времени Мария; в латинской и германской Европе в эпоху Средневековья; как только что было показано, в России и у многих других народов. По замечанию Цезаря, в его время становым хребтом галльского войска была конница, состоявшая из представителей знати. Эдуи, например, не смогли выстоять против Ариовиста, после того как цвет Их конницы был уничтожен в бою.

5. Везде — в России и Польше, в Индии и средневековой Европе — правящие военные классы обладали почти Исключительным правом собственности на землю. Земля, Как мы уже видели, является основным средством производств и источником благосостояния в странах, не достигших вершин цивилизации. С прогрессом пропорционально увеличиваются доходы от земли. С ростом населения в определённые периоды рента, в рикардианском смысле этого термина, Увеличилась, поскольку появились огромные центры потребления — таковыми во все времена были столицы и другие большие города, как древние, так и современные. В результате, если не препятствовали иные условия, происходили важные социальные изменения. Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели Воинская доблесть: правящие скорее богаты, чем храбры. Основным условием подобной трансформации является То, что социальная организация должна быть упо-

рядочена и усовершенствована до такой степени , чтобы обеспеченная публичной властью защита превосходила защиту с помощью Неофициальной силы. Другими словами, частная собственность должна быть так защищена реализуемыми на практике Действенными законами, чтобы власть самого собственника стала излишней. Происходит это путём постепенных изменений в социальной структуре, и в результате тип политической организации, который можно назвать феодальным государством, трансформируется в принципиально другой тип, который можно назвать бюрократическим государством. Далее нам следует подробнее проанализировать эти типы, но нужно сразу сказать, что данная эволюция, как правило, заметно облегчается прогрессом средств умиротворения и определённых моральных устоев, являющихся достижениями цивилизации. Как только осуществляется такая трансформация, богатство создаёт политическую власть, точно так же, как политическая власть создаёт богатство. В обществе, достигшем определённой степени зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило , богатые, а быть богатым — значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, престижные посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами. Есть, безусловно, государства, достигшие высокого уровня цивилизации, основанные теоретически на таких моральных принципах, что, кажется, они препятствуют столь властной претензии со стороны богатства. Есть и множество других случаев, когда теоретические принципы могут лишь очень ограниченно применяться в реальной жизни. В Соединённых Штатах вся власть является прямым или косвенным результатом всеобщих выборов, и во всех штатах существует всеобщее избирательное право для всех мужчин и женщин. Более того, демократия не только характеризует институты, но и влияет в определённой степени на мораль. Богачи чувствуют обычно определённую неприязнь к участию в общественной жизни, а бедняки испытывают неприязнь, выбирая богатых в выборные органы. Но это не мешает богачу быть более влиятельным по сравнению с бедняком, поскольку он может оказывать давление на политиков, контролирующих государственную администрацию. Это не мешает проводить выборы под звон долларов и не избавляет всю законодательную власть и значительное число конгрессменов от ощущения влияния мощных корпораций и крупных финансистов.[…]

Во всех странах мира все прочие факторы, оказывающие социальное влияние, — личная известность, хорошее образование, специальная подготовка, высокий сан в церковной иерархии, общественное управление и армия — всегда доступнее богатым, чем бедным. У богатых по сравнению с бедными путь странствий всегда короче, не говоря уже о том, что богатые избавлены от наиболее тернистой и тяжёлой части пути.

6. В обществах, где сильна религиозная вера и главы церкви образуют особый класс, всегда возникает церковная аристократия и получает в собственность более или менее значительную часть богатства и политической власти. Яркими примерами такого положения могут служить Древний Египет (в определённые периоды), брахманская Индия и средневековая Европа. Зачастую священники не только выполняют религиозные функции, но и обладают правовым и научным знанием, образуя класс носителей высочайшей интеллектуальной культуры. Сознательно или бессознательно иерархия священников часто проявляет тенденцию монополизировать обучение и препятствовать распространению методов и процедур, которые облегчают приобретение нового знания. Возможно, именно из-за этой тенденции или отчасти из-за неё мучительно медленно распространялся демотический алфавит в Древнем Египте, хотя он был, несомненно, проще иероглифического письма. Друиды в Галлии были знакомы с греческим алфавитом, но не разрешали записывать их богатую священную литературу, требуя от своих учеников заучивать ею наизусть ценой невероятных усилий. Примером такого рода можно считать употребление мёртвых языков, которое мы обнаруживаем в Халдее, Индии, средневековой Европе. Иногда, как в Индии, низы были строго отстранены от постижения знаний Священных книг. Специальные знания и подлинно научная культура, очищенные от всякой духовно-религиозной ауры, становятся важной политической силой только на высокой ступени цивилизации, и тогда доступ в правящий класс получают лишь те, кто владеет этими знаниями. Но и в этом случае не столько знание само по себе обладает политической ценностью, сколько его практическое применение на благо власти и государства. Иногда все, что требуется, — это простое овладение механическими процессами, нужными для достижения более высокой культуры. Это может быть связано с тем, что на такой основе легче выявить и проверить то умение, которого может добиться кандидат, и тогда оценить его и отнести к определённому разряду. Так, в некоторые периоды в истории Древнего Египта профессия писца открывала дорогу в государственное учреждение и вела к власти, возможно, потому, что для обладания навыками письма иероглифами надо было долго и упорно трудиться. Также и в современном Китае изучение бесчисленных иероглифов составляет основу обучения чиновника. В современной Европе и Америке класс, который применяет достижения науки в военном деле, общественном управлении, занимает, с социальной и политической точки зрения, наиболее важное положение. В западном мире, так же, как и в Древнем Риме, в целом в привилегированном положении находятся юристы. Они знают сложное законодательство всех народов в истории цивилизации, и их деятельность становится особо значимой, если знание закона сочетается с ораторским искусством, которое может быть по вкусу современникам. Существует множество примеров того, как продолжительное руководство военной организацией и гражданским обществом по-

родило и развило у значительной части правящего класса реальное искусство управления, которое лучше грубого практицизма или чего-либо другого, порождённого индивидуальным опытом. В таких условиях возникают аристократии функционеров, подобно римскому сенату, венецианским нобилям и в определённой степени английской аристократии. Все эти объединения вызывали восхищение Джона Стюарта Милля, и, несомненно, все три создали правительства, отличавшиеся хорошо продуманной политикой, большой устойчивостью и дальновидностью. Данное искусство управления — это не политическая наука, хотя время от времени и использует ею некоторые постулаты. Однако, даже если сейчас искусство управления престижно для определённых классов, долго выполнявших политические функции, оно не служило никогда общепринятым критерием привлечения на государственную службу людей, далёких от неё по своему социальному положению. Более того, степень овладения индивидом искусством управления определить, кроме исключительных случаев, весьма сложно, если индивид не проявляет его на практике.

7. В некоторых странах мы находим наследственные привилегированные касты. В таких случаях правящий класс явно ограничен числом семейств, и рождение является единственным критерием, определяющим принадлежность к нему. Примеров тому чрезвычайно много. Нет практически страны с продолжительной историей, в которой не было бы в то или иное время наследственной аристократии. Мы обнаруживаем ею в определённые периоды в Китае и Древнем Египте, в Индии, Греции до войны с мидянами, в Древнем Риме, у славянских народов, у латинов и германцев в эпоху Средневековья, в Мексике в период открытия Америки и в Японии ещё несколько лет назад.

В этой связи два предварительных замечания по рассматриваемому вопросу. Во-первых, все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте в том же состоянии. Богатство и военная доблесть без труда поддерживаются в определённых семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста — привычка к нему, в определённой степени способность занимать его вместе с вытекающими последствиями — все это гораздо проще достигается тем, кто привычен к этому с детства. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые способности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определённых индивидов, которое французы называют преимуществом positions deja prises[1]. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида

[1] уже занятого положения (фр.).

на правильную дорогу, помогают не двигаться на ощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки.

Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может на первый взгляд находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятьёв настоящих и бывших членов парламента и депутатов.

Во-вторых, когда мы анализируем наследственную знать, утвердившуюся в стране и монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу de jure предшествует статус de facto. До провозглашения их исключительного наследственного права на власть семьи или касты, о которых идёт речь, должны твёрдой рукой взять руль управления, полностью монополизируя все политические силы своей страны в данный период. В противном случае такая претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу.

Наследственная аристократия нередко начинает хвастаться божественным происхождением или по крайней мере происхождением, отличающимся от происхождения управляемых классов и превосходящим его. Такие претензии объясняют весьма научным социальным фактом, а именно тем, что всякий правящий класс стремится оправдать своё подлинное осуществление власти, опираясь на какой-либо всеобщий моральный принцип. Такого рода претензия выдвигается в настоящее время. Некоторые авторы, используя и развивая дарвиновскую теорию, утверждают, что высшие классы олицетворяют верхний уровень социальной эволюции и посему превосходят по своей органической природе низшие.[…] Гумплович утверждает, что социальная дифференциация в современных цивилизованных странах основана на этнологической гетерогенности.

В настоящее время история со всей определённостью свидетельствует об особых способностях и об особых пороках (причём и те, и другие весьма заметны), проявляющихся в закрытых или почти закрытых для проникновения извне аристократиях. Древнеримский патрициат, английская и немецкая знать нашего времени могут служить готовым примером. Однако, используя этот факт или теории, стремящиеся преувеличить его значение, можно всегда возразить, сказав, что индивиды, принадлежащие к этим аристократиям, обладают особыми качествами не столько из-за крови, которая течёт в их жилах, сколько в силу такого воспитания, которое развивает в них вполне определённые интеллектуальные и нравственные качества.

Из всех факторов, учитывающихся при рассмотрении социального превосходства, превосходство в интеллекте менее всего связано с наследственностью. Дети людей, отличающихся высоким интеллектом, зачастую обладают посредственными способностями. Именно поэтому наследственные аристократии никогда не защищают своё правление на основе только интеллектуального превосходства, но чаще ссылаются на своё превосходство характера и богатства.

Опровергая данное заявление, утверждают, что образование и окружение позволяют объяснить лишь превосходство умственных способностей, а не различия душевного склада — силу воли, смелость, гордость, активность. Истина заключается в том, что социальное положение, семейные традиции, привычки того класса, в котором мы живём, в большей степени, нежели полагают, влияют на степень развития упомянутых выше качеств. Внимательно присмотревшись к индивидам, которые к лучшему или худшему изменили свой социальный статус и, следовательно, находятся в непривычном для них окружении, мы увидим, что их умственные способности меньше подвержены влиянию по сравнению с моральными качествами. Приобретя широкий кругозор, который даёт индивиду образование, если он только не совсем туп, каждый индивид, останется ли он простым служащим или станет министром, будет в чине сержанта или дослужится до генеральского звания, будет министром или нищим, неизменно тем не менее останется на том уровне умственных способностей, который дала ему природа. И все же с изменением социального статуса и благополучия гордый нередко становится раболепным, раболепие сменяется самонадеянностью, честный по натуре человек приучается лгать или, по крайней мере создаёт видимость честности и покладистости характера. Конечно, верно, что человек, утративший состояние, зачастую приобретает черты покорности, самоотречения и изобретательности, в то время как поднимающийся наверх обретает черты честности и справедливости. Короче говоря, меняется человек к лучшему или худшему, он должен быть исключительно хладнокровным, чтобы значительно изменить свой социальный статус и в то же время не претерпеть изменений в своём характере. По мнению Мирабо, во всяком человеке любое значительное перемещение по социальной лестнице вызывает кризис, который залечивает все его раны и порождает новые. […]

8. Наконец, если мы будем придерживаться мнения тех, кто защищает идею исключительной роли наследственности в формировании правящего класса, то следовало бы прийти к заключению, которое выводится из принципа эволюции. Политическая история человечества была бы гораздо проще, чем на самом деле. Если правящий класс действительно принадлежит к другой породе или если качества, обеспечивающие его доминирование, являются прежде всего врождёнными, то тогда трудно понять, как, уже сформировавшись, он должен прийти в упадок и утратить свою власть. Отличительные

свойства рода чрезвычайно устойчивы. Согласно эволюционной теории, приобретённые родителями качества в их детях становятся врождёнными и по мере смены поколений постепенно оттачиваются. Тогда потомки правителей должны бы все более приспосабливаться к управлению, а на долю других классов выпадало бы мало шансов бросить им вызов или попытаться их выжить. Однако сейчас есть множество самых избитых примеров, убеждающих всякого в том, что события развиваются отнюдь не в данном направлении. Мы уже наблюдаем, что с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, если находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Кто-то действительно может сказать, что вся история цивилизованного человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ею по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые; и этот конфликт порождает бесконечные процессы эндосмоса[1] и экзосмоса[2] между высшими классами и определённой частью низших. Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость. Так, римская аристократия сошла на нет, когда перестала быть единственным источником пополнения числа офицеров высокого ранга, высших должностных лиц. Именно так пришла в упадок и венецианская знать, когда ею представители перестали командовать галерами и проводить в море большую часть жизни торгуя и воюя. В неорганической природе есть пример такого же рода, когда стремление к неподвижности, порождённое силой инерции, постоянно находится в конфликте со стремлением к перемене, и все это — результат неравномерного распределения тепла. Каждая из этих тенденций время от времени превалирует в разных регионах нашей планеты, вызывая одна — затишье, другая — ветер и шторм. Подобно этому в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых, кристаллизованных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению. Восточные общества, которые мы считаем устойчивыми, в действительности не всегда являются

[1] Эндосмос — процесс просачивания жидкостей и растворенных веществ из внешней среды внутрь клетки.

[2] Экзосмос — процесс просачивания жидкостей и растворенных веществ из клетки во внешнюю среду.

таковыми, иначе, как уже отмечалось, они не могли бы достичь вершин цивилизации, чему есть неопровержимые свидетельства. Точнее будет сказать, что мы узнали о них в то время, когда их политические силы и политические классы находились в состоянии кристаллизации. То же самое происходит в обществах, которые мы обычно называем стареющими, где религиозные убеждения, научные знания, способы производства и распределения благ столетиями не претерпевали радикальных изменений и в ходе их повседневного развития не испытывали проникновения инородных элементов, материальных или интеллектуальных. […]

Так, мы видим, что в Индии кастовая система укоренилась после подавления буддизма. Греки обнаружили наследственные касты в Древнем Египте, но нам известно, что в периоды расцвета и величия египетской цивилизации политическая власть и социальный статус не носили наследственного характера. В нашем распоряжении египетский документ, который повествует о жизни военного высокого ранга, жившего в период изгнания гиксосов. Он начал свою карьеру простым солдатом. Другие документы свидетельствуют о случаях, когда один и тот же человек преуспевал на военной службе, в общественном управлении и в церковной иерархии.

Самый известный и, возможно, наиболее впечатляющий пример общества, склонного к кристаллизации,—это общество того периода римской истории, который принято называть ранней империей. Тогда после нескольких столетий почти полной социальной неподвижности все отчётливее стало просматриваться выделение двух классов — класса крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга и класса рабов, земледельцев и городского плебса. Особенно впечатляет то, что государственная служба и социальное положение стали наследственными по обычаю раньше, чем по закону, и эта тенденция в указанный период распространилась очень быстро.

В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую бедность и новое богатство, способствуют распространению преимущественно неизвестного ранее знания и проникновению новых моральных, интеллектуальных и религиозных идей. И опять в результате такого проникновения, или вследствие процесса постепенного внутреннего развития, или же в силу обеих причин может появиться новое знание, или в чести вновь окажутся определённые элементы старого, давно забытого знания, так что новые идеи и убеждения выдвинутся вперёд и опрокинут укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. Правящий класс также может быть полностью или частично побеждён и уничтожен иностранным вторжением или, когда возникают упомянутые выше обстоятельства, может быть лишён власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда, естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наи-

более пассионарных, энергичных, бесстрашных или просто самых практичных, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх.

Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали с нуля и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех пор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности. Вряд ли есть необходимость приводить примеры наций, испытавших такие периоды обновления. В наши дни их множество. Быстрое пополнение правящих классов — поразительное и частое явление не только в колониальных странах. Когда общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост. Овладение землёй и другими средствами производства не совсем невозможно, но во всяком случае труднее, чем где бы то ни было. Именно поэтому греческие колонии, по крайней мере в определённый период, были большим полигоном реализации устремлений и предприимчивости греков. Именно поэтому в Соединённых Штатах, где освоение новых земель продолжалось на протяжении всего XIX в. и постоянно создавались новые отрасли промышленности, немало примеров, когда люди, начиная с нуля, добивались известности и состояния, и все это питает в жителях данной страны иллюзию, что демократия реально существует.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, кто принадлежит к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания власти качества и способности. Далее, появляется и носящая консервативный характер сила — сила привычки. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены определённых привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление.

Несомненно, филантроп впадёт в искушение выяснить, в какие же периоды человечество счастливее или несчастнее — в периоды социальной стабильности и кристаллизации, когда практически каждому предопределено остаться в том социальном положении, к которому он принадлежал по рождению, или в периоды обновления и революции, позволяющие всем жаждать более высокого положения, а кому-то и добиваться его. Такое исследование было бы нелёгким. Потребовалось бы учесть множество оговорок, исключений, да и сам исследователь, вероятно, был бы не свободен от личных пристрастий. Поэтому не рискнём дать собственный ответ. […]